

И ПОШЁЛ НА ВОЙНУ¹

Он закончил войну в поверженном Берлине гвардии майором, начальником разведки артиллерийской бригады, кавалером орденов Александра Невского, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды; был награждён десятком медалей, прошёл горнила трёх фронтов и жестокие контрапункты Курской дуги, Сталинграда, Одера и Бранденбурга; заслужил множество благодарностей Верховного Главнокомандующего и высокую честь дать команду «Огонь!» первому залпу бригады при штурме Берлина.

Таким – со дня Великой Победы прошло только десять лет – я стал воспринимать своего отца. И таким я знал его всегда.

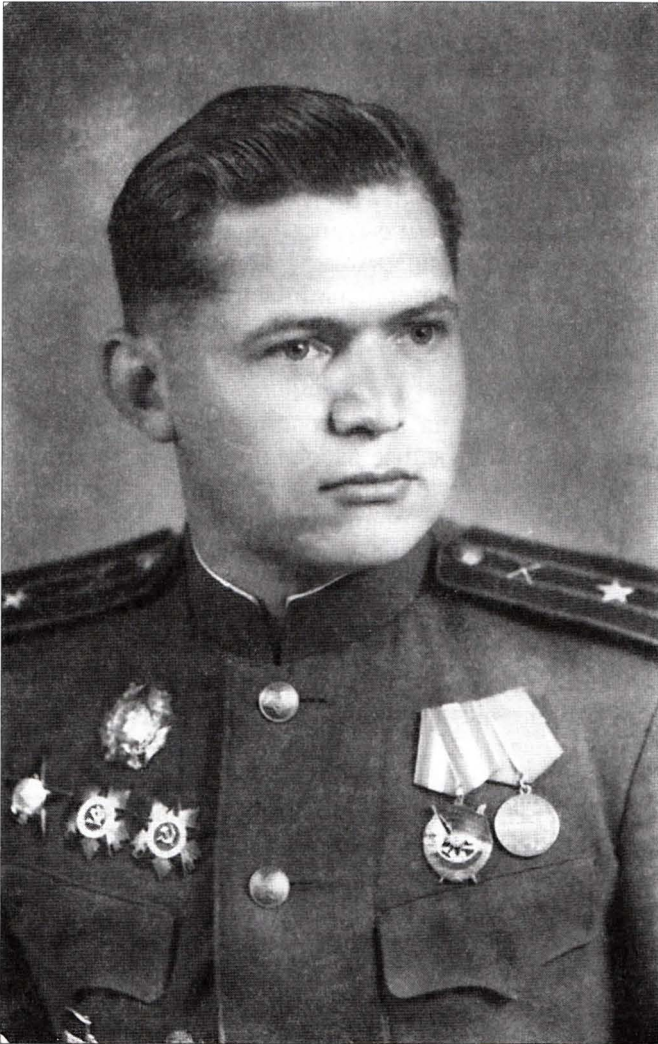

Рис. 1. Алексей Владимирович Фёдоров. 1946 г.

Первыми воспоминаниями детства было постоянное присутствие в наших маленьких коммуналках друзей родителей: однополчан, сослуживцев, учеников, довоенных ещё однокашников... Перебывало их у нас без счёта и самых разных – от рядовых и сержантов до полковников и генералов, от студентов до академиков. Десять лет – пустяк. Ещё донашивались гимнастёрки, сапоги и перешитые из шинелей серые пальто; память была свежа и чувства остры. Застолья были небогатыми, но обильными, а веселье – безудержным и искренним. И гремели «Крамбамбули» и «Абиссинская застольная», и с пронзительной душевностью выпевал мамин аккордеон «Солдатский вальс» и «Землянку»... (Мою маму он встретил на войне – и скоропалительный предвоенный брак рассыпался карточным домиком).

Папа никогда не доминировал, не командовал; он был – как все, но он был – центром. Под его взглядом

¹ Автор очерка сын А.В. Фёдорова – В.А. Фёдоров-Клементьев

опускал стакан неуёмный Поярков, отправлялся вздремнуть расходившийся Жорка, брал «полтона ниже» громкозвучный Озябкин. И при этом веселье не убывало и застолье не скучнело.

Со временем он стал брать нас в экспедиции. И уже вполне осмысленно мы удивлялись тому, как все – от последнего первокурсника-коллектора до аспирантов-лаборантов, преподавателей, капитанов и мотористов наших научно-исследовательских самоходных паромов, – были постоянно в сфере его внимания, не чувствуя при этом ни давления, ни опеки, ни мелочного контроля.

А потом его не стало.

Он умер, когда я так и не успел повзрослеть, а он не успел состариться. Большая война была к нему милосердна – если говорить о колотых, резанных, пулевых и осколочных; но раны мирного времени бывают не легче военных. И не зря он часто повторял строки поэта-фронтовика Семёна Гудзенко: «мы не от старости умрём – от старых ран умрём». Мне стыдно и жалко, что, проскакав бестолково и безалаберно отрочество и юность, я так и не успел узнать его как взрослый человек.

Может быть сейчас, когда я уже старше своего отца, я сумею понять, как он стал – или что его сделало – таким, каким он был всю жизнь: Командором, Адмиралом, Президентом, Академиком, – оставаясь при этом Алексеем, Алёшкой, Лёшей для многих десятков окружавших его по жизни самых разных людей, не чаявших в нём души, безусловно верящих каждому его слову и готовых идти с ним на край света и дальше. Мне кажется, что не только война сделала его характер; что началось это становление гораздо раньше.

И притекли из далёкой, многими забытой, а многим просто неизвестной довоенной дали – фотографии, строки дневников, стихов, писем и отчётов, обрывки разговоров, воспоминаний, взглядов, – чтобы здесь, в сегодняшнем дне, сложилась картинка: последние мирные сутки моего отца в июне тысяча девятьсот сорок первого года.

Закончив писать адрес, он заклеил последний конверт. Письма были сёстрам и матери, писал коротко: просто сообщал о своём призыве. По опыту Белорусской кампании знал, что никакие предложения и прогнозы, имея на руках мобилизационную повестку, строить не стоит. За окном общежития уже начиналось летнее утро – ссорились нахальные воробьи, ворковали голуби. Повестка пришла только позавчера, поэтому весь вчерашний день был сплошной кутерьмой: передача кафедральных дел, библиотека, отдел кадров, бухгалтерия; потом, до позднего уже вечера, сидел в лаборатории – передавал Семёну дела по уже подготовленным экспедициям и планы готовящихся ещё на это лето, хотя оба понимали, что вряд ли теперь что-то пойдёт по плану. Потом, дома, долгий и бесполезный разговор с женой, вопреки очевидности, твердившей о какой-то броне; суматошные сборы, – хотя собирать-то, в общем, было нечего. В результате, когда заплаканная жена, наконец, уснула, – была уже глубокая ночь и, с учётом писем, ложиться уже не пришлось.

Он подошёл к окну, по пути с неудовольствием глянув на чемодан, в который оставалось положить только бритву и умывальные принадлежности, – на чемодане настояла жена: по её мнению, командир запаса должен был выглядеть солидно. Сам он, проведя полжизни с рюкзаком за плечами, не видел никакой связи между чемоданом и солидностью, но давняя привычка не спорить по пустякам ни мамой, ни со старшими сёстрами – удержала его от желания настоять на своём.

Этот призыв не был неожиданностью для большинства советских мужчин и юношей; тем более он не был неожиданностью для него – после освободительного похода в Белоруссию, где он впервые после детских царицынских воспоминаний о кровавой сумятице гражданской войны, увидел сожжённые и разбитые германской артиллерией и авиацией сёла и городки, нескончаемые потоки беженцев – белорусов и поляков – оборванных, измождённых, изнурённых голодом и нищетой, – и впервые понял сам, лично, своим сердцем командира Красной Армии, что война не просто будет, а будет скоро, вот-вот; и что война эта будет жестокой и кровопролитной, потому что фашизм – это звериная сила, не ведающая милосердия и здравого смысла. Поэтому сейчас он не думал о завтрашнем дне: завтрашнее было определено чётким и однозначным словом «война».

Сейчас он думал о том, какой ёмкой, до предела спрессованной, оказалась его жизнь – с окончания ростовской школы в тридцать первом и все последующие десять лет. Казалось, все события в его двадцатипятилетней жизни так накрепко связаны и переплетены между собой, что никак иначе развиваться и не могли, – начиная с Курсов при рабфаке ВГУ и кончая его нынешней работой ассистента кафедры зоологии позвоночных и вот этой мобилизационной повесткой. Он был воспитан и выучен Советской властью и, поскольку это воспитание и обучение полностью соответствовало его собственным склонностям и желаниям, никогда не рассматривал себя отдельно от страны; напротив – точно знал, что приложит все силы для реализации её планов и умножения её мощи. Одним словом, он был советским человеком и иначе себя просто не представлял. В этом заключалось его противостояние маме, которая не только сама была уверена, что Октябрьская революция лишила её каких-то, неясных ей самой, благ, но и заразила этой уверенностью дочерей, что отразилось на их характерах далеко не лучшим образом. Отчасти поэтому, искренне любя их, он не стал в письмах просить их о помощи жене, бывшей уже на пятом месяце беременности. При мысли о жене в его душе снова шевельнулось неясное и неприятное чувство: что-то было не так в их браке. Он пытался убедить себя, что дело просто в отсутствии привычки к совместной жизни, что всё притрётся и наладится, но что-то было не так. В повседневной жизни появилось тихонькое, но не проходящее чувство вины – неизвестно за что, а точнее – за всё сразу. Он привык использовать время максимально – да иначе и не получалось при его образе жизни: он не представлял себя ни на одном участке, кроме переднего края. Окончив с отличием семилетку, он так же отлично учился на Курсах по подготовке в вуз и в Университете; он не мог не быть активистом Осоавиахима, не мог не быть Ворошиловским стрелком, парашютистом и отличником ГТО; он был участником, а затем руководителем практически всех факультетских научных экспедиций; он прошёл десятки туристических и альпинистских маршрутов. Осенью тридцать девятого, вернувшись из Белоруссии, он по-новому оценил значение физической подготовки и умения не напрягаясь жить «с полной выкладкой». Однако то, что ему самому было очевидно и не требовало объяснений, невозможно было объяснить жене, которая, как оказалось, ничего этого не желала, а желала только красивого, сильного и перспективного мужа, который, по её мнению, должен быть всегда под рукой.

Он недовольно поморщился и, по уже укоренившейся привычке не забивать голову проблемами, которые невозможно разрешить в ближайшее время, стал думать о другом, а именно – о своём совсем ещё недавнем последнем домбайском сезоне. Этот сезон он проводил в качестве инструктора – и провёл его, по своей оценке, пло-

хо. Виноваты были, как он считал, его личные амбиции: он непременно хотел этой весной выполнить нормативы и на «Альпиниста» и на «Туриста СССР» и, подчиняя этой цели маршруты группы – и по сложностям, и по графикам, запустил собственно работу с группой, переложив её на плечи заместителя. Конечно, с заместителем ему повезло: парень попался опытный и толковый, ничего не забыл и не упустил, но это просто счастливый случай, и всё могло сложиться гораздо хуже... На первый взгляд, эти мысли были далеки от призыва на военную службу, – но это только на первый взгляд. Они пришли к нему вместе с повесткой, и он понимал, почему.

На самом деле, несмотря на занятость этих двух ночей и суматошного дня между ними, передумать он успел очень о многом. В том числе – о Белорусском походе. Тогда ему, командиру-запаснику, дали обученный и укомплектованный гаубичный взвод, который оказался недоученным и неуккомплектованным. Но тогда, до самого выхода на позиции, они постоянно были на марше – и на этом же марше, далеко ли – близко ли, но в пределах досягаемости, были недостающие ремкомплекты, тягачи, боеприпасы, санитарные палатки, носилки, сумки... На этом же марше, на днёвках и ночных привалах, он, отрывая у своих людей по часу-другому от сна, обучал их работать с целлулоидным артиллерийским кругом, пользоваться логарифмическими таблицами, обсчитывать данные разведки... И, когда они стали на позиции у демаркационной линии советско-германских войск, взвод был готов к бою. А младший лейтенант вымотан до предела. И, если бы в те восемь часов, которые он проспал, как бревно, поступил боевой приказ, он не смог бы командовать взводом.

Теперь все эти мысли-воспоминания добрались до своего логического начала. Он – тогда ещё даже не сдавший выпускных экзаменов – в очередной раз сидел на кафедре, пытаясь отбояриться от должности начальника Беломорской экспедиции. Это была не первая попытка, все они кончались одинаково: его любимый учитель терпеливо, но с видимой скукой выслушивал его аргументы, спрашивал: «всё» – и приступал к инструктажу. Но в этот раз при разговоре присутствовал декан – уже тогда живой классик биологической науки, очень старый, но негнибаемый профессор Козо-Полянский. Несколько раз блеснув в их сторону стёклами очков, он вдруг негромко, но очень отчётливо сказал:

– В этом году факультет выпустит много хороших учителей, нескольких крепких учёных, полтора десятка исследователей. Ты, Алексей, хороший учитель, крепкий учёный и прекрасный исследователь-аналитик. Но ты – единственный в выпуске руководитель. Ты должен быть там, где ты ценнее всего.

Когда профессор замолчал, продолжил Илья Ильич:

– Видишь ли, – тебе не нужно учиться быть первым, – ты уже первый. Но нужно привыкнуть к тому, что ты – командир. Это должно само собой разумеется на всех твоих жизненных уровнях. Только такая – органическая, естественная привычка – позволит тебе остаться учёным, а не стать рядовым администратором. Я скажу сейчас избитый и затёртый афоризм, но ты его запомни и обдумай: авторитет нужен для того, чтобы им не пользоваться.

Вот к чему вели все эти воспоминания. Он сейчас шёл на войну, где нельзя было рассчитывать ни на толкового заместителя, ни на тылы, ни на лишнее время на боевую учёбу. И где спрос с него будет уже не как со штафирки-запасника, а как с кадрового командира Красной Армии. Он точно знал, что эта война потребует от него стократ больше, чем Белорусский поход. Он знал, что будет страшно, и что он будет бояться. Да, конечно, он был реалистом: у него был опыт горных камнепадов и снеж-

ных лавин; был опыт непроходимых болот и лесов Белоруссии и Западной Украины; он даже мог – с натяжкой – считать себя обстрелянным. Но он знал, что, преодолевая собственный страх и доказывая ежечасно себе и окружающим своё умение воевать несмотря и вопреки страху, он должен будет в первую очередь думать не об этом, а о том, все ли расчёты на месте, всем ли они обеспечены, каковы их потери – прогнозируемые и реальные, и ещё о многом и многом. Вот это было главное, к чему вели все эти мысли-воспоминания: во всех, в любых условиях войны он должен быть прежде всего командиром и думать прежде всего о боевой операции и своём подразделении, о себе – только в случае крайней необходимости.

Это он додумывал, уже побрившись и окончательно уложив чемодан, щёлкнул никелированными замочками, ещё раз мельком подумав, насколько удобнее было бы шагать с рюкзаком на плече. Поставил на керосинку чайник, разбудил жену – было уже шесть часов. Приобняв за плечи, ещё раз, подробно и не спеша, напомнил ей, где лежат документы, деньги, тетрадь с адресами и тетрадь с днями рождений, о которых она не то, чтобы забывала, а просто не считала нужным помнить. Он говорил с ней, как бы не замечая её тихого плача и периодических всхлипов: «возвращайся скорее!..» Когда-то он пытался уже объяснить ей, что, если планируется конкретное дело на определённый объём времени, вернуться раньше – значит не сделать это дело или провалить его. Тогда, в мирное время, это объяснение кончилось горькой обидой и ещё большим непониманием. И сейчас он мог ответить только одно: вернуться с войны скорее, чем кончится война, можно только тяжелораненым. Но она была взрослой женщиной и сама всё это прекрасно понимала; но именно в этот момент она считала необходимым плакать и твердить «возвращайся скорее»... Поэтому он просто допил чай, встал, поцеловал её в солёные глаза и губы; усадил, вскинувшуюся было, обратно на кровать, деланно-строго сказав, что ни о каких проводах в пыльную и душную военкоматскую толкучку в её положении речи быть не может; ещё раз поцеловал, подхватил чемодан и вышел в гулкий пустой общежитский коридор.

Улыбнулся и помахал рукой старенькой вахтерше тётке Мане, – та, подняв голову от газеты, глянула поверх круглых совиных очков и быстро, как поклевала, перекрестила его. Он отворил тяжёлую дверь в летнее солнечное утро и пошёл на войну.

59

И 231

ISSN 0130-4623

В. П. Иванчев, В. С. Сарычев,
Е. Ю. Иванчева

Миноги и рыбы бассейна Верхнего Дона

2013

ББК 28.693.32(2Р34)
И 23

В. П. Иванчев, В. С. Сарычев, Е. Ю. Иванчева.

И 23 Миноги и рыбы бассейна Верхнего Дона / Труды Окского государственного природного биосферного заповедника. Выпуск 28. – Рязань: НП «Голос губернии», 2013. – 275 с. : ил. [32].

ISBN 978–5–98436–033–3

✓ В монографии приведены результаты исследования миног и рыб в бассейне Верхнего Дона на территории Тульской, Рязанской, Липецкой, Воронежской, Тамбовской, Орловской и Курской областей в 2010-2012 гг. Дана характеристика населения рыб рек бассейна Верхнего Дона, приведены подробные сведения обо всех видах рыб, когда-либо отмеченных на территории региона.

Книга рассчитана на ихтиологов, зоологов широкого профиля, сотрудников заповедников, преподавателей вузов и студентов, любителей природы, краеведов.

Научный редактор: доктор биологических наук, профессор Ю. С. Решетников

Серия издаётся с 1940 г.

Рецензенты:

заместитель директора по научной работе Казанского отделения ГОСНИОРХ,
кандидат биологических наук Ф. М. Шакирова;
старший научный сотрудник Института биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН,
кандидат биологических наук А. Н. Касьянов

Компьютерная обработка фотографий – А. В. Соломатин

На передней стороне обложки – река Дон в окрестностях с. Даньшино Задонского р-на Липецкой обл.;

На задней стороне обложки – река Пальна в нижнем течении (окрестности с. Аргамач-Пальна Елецкого р-на Липецкой обл.)

ББК 28.693.32(2Р34)

ISBN 978–5–98436–033–3

© Иванчев В.П., Сарычев В.С., Иванчева Е.Ю., 2013
© Оформление. НП «Голос губернии», 2013